

8. Кашанина, Т.В. Юридическая техника : учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.
9. Подорожна, Т.С. Законодавчі дефініції: поняття, структура, функції: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.С. Подорожна; Київ. нац. ун-т. – Київ, 2009. – 20 с.
10. Hart, H.L.A. Definition and theory in jurisprudence. An inaugural lecture / H.L.A. Hart. – Oxford : Oxford University Press, 1953. – 28 p. Имеются англоязычные переиздания этой работы: 1954, 1975, 1983 гг. Русскоязычный перевод с предисловием выполнен С.Н. Касаткиным: Харт, Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции / Г.Л.А. Харт // Правоведение. – 2008. – № 5. – С. 6–32.
11. Solan, L.M. Definitions / rules in legal language / L.M. Solan // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London, Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 403–409.
12. Kimble, J. Plain English: A Charter for Clear Writing / J. Kimble // Thomas V. Cooley Law Review. – 1992. – № 1. – P. 3–35.
13. Mellinkoff, D. The language of the law / D. Mellinkoff. – Boston : Little Brown & Co, 1963. – 324 p.
14. Ross, A. Definition in legal language / A. Ross // Logique et Analyse. – 1958. – № 3 – 4. – P. 139–149.
15. Tiersma, P. Language of legal texts / P. Tiersma // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London, Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 549–556.
16. Gregorowicz, J. Definicje w prawie i w nauce prawa / J. Gregorowicz. – Łódź : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1962. – 218 s.
17. Patryas, W. Definiowanie pojęć prawnych / W. Patryas. – Poznań : Wyd-wo naukowe uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. – Ser. Prawo, № 153. – 1997. – 134 s.
18. Ziemiński, Z. O zwrotach definicyjnych w ustawodawstwie PRL / Z. Ziemiński // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. Zeszyt Specjalny. – Poznań, 1956. – S. 60–75.
19. Ziemiński, Z. Definicje perswazyjne w prawoznawstwie / Z. Ziemiński // Eufonia i logos; red. J. Pogonowski. – Poznań, 1995. – S. 673–680.
20. Кнапп, В. Логика в правовом сознании / В. Кнапп, А. Герлох. – М. : Прогресс, 1987. – 310 с.
21. Dietrich, R. Sprache des Rechts. Vermitteln, Verstehen, Verwechseln / R. Dietrich, W. Klein et alii (Berliner Arbeitsgruppe) // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Sprache des Rechts. – Berlin, 2000. – S. 5 – 33.
22. Klug, U. Juristische Logik / U. Klug. – Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1958. – 268 s.
23. Nussbaumer, M. Sprache und Recht / M. Nussbaumer. – Heidelberg : Groos, 1997. – 346 s.
24. Ковкель, Н.Ф. Проблемы классификации правил и ошибок легального дефинирования / Н.Ф. Ковкель // Конституция Российской Федерации: проблемы реализации и перспективы развития конституционализма : матер. Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (Екатеринбург, 10–11 октября 2013 г.) : в 2 ч. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2014. – Ч. 1. – С. 102–109.
25. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. (с изм. и доп.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 10.07.2014. – 2/2173.
26. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г. (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2/2119.
27. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2/1969.
28. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2/2126.

29. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2/2058.
30. Ковкель, Н.Ф. Особенности стилистики текстов нормативных правовых актов / Н.Ф. Ковкель // Вестн. Бел. гос. эконом. ун-та. – 2012. – № 3. – С. 88–95.
31. Ковкель, Н.Ф. Основные элементы структуры правового языка / Н.Ф. Ковкель // Вестн. Перм. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 44–51.

УДК 342.98

В.А. Курилик

ПОНЯТИЕ «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Чрезвычайные ситуации, возникающие вследствие опасных природных явлений, стихийных бедствий и техногенных катастроф, являются неотъемлемой частью жизни современного индустриального общества, одним из вызовов стабильному экономическому росту государства и безопасности населения. В условиях участвовавших техногенных и природных катастроф совершенствование нормативного правового регулирования в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций – актуальная задача и одно из приоритетных направлений государственной политики.

На постсоветском пространстве в рамках СНГ подписан ряд важнейших международных договоров в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Однако, как справедливо отмечает Т.А. Левоненкова, «на внутригосударственном уровне в большей части государств законодательство, регулирующее вопросы предупреждения и ликвидации природных и техногенных катастроф, разрозненно, противоречиво и не содержит действенных организационно-правовых механизмов» [1, с. 144]. В этой связи необходимо исследовать понятие «чрезвычайная ситуация» и его законодательное закрепление.

В толковых словарях и энциклопедических изданиях такое определение отсутствует, употребление в понятии слова «чрезвычайный» не позволяет конкретно уяснить его точный смысл. Так, «чрезвычайный» имеет два значения: «чрезвычайный», то есть «превосходящий обычную меру... очень большой, очень сильный»; «экстренный, не предусмотренный обычным течением дел, специально назначаемый» [2, ст. 1292]. Первое значение относится к явлениям, событиям, отличающимся от обычных событий своими крупными масштабами, второе – к действиям и решениям, выходящим за черту обыденного, регулярно, отменяющим каждодневный порядок.

В своем втором значении слово «чрезвычайный» относится к «чрезвычайному законодательству», которое вводится в действие для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя. Нормативного определения чрезвычайного законодательства не существует, в литературе этот термин используется по-разному, в том числе нередко в расширительном значении, что представляется не вполне правомерным. Российская юридическая энциклопедия определяет чрезвычайные (специальные) законы как «законы, принимаемые парламентом, как правило, в порядке той же процедуры, что и обычные законы (иногда для их принятия требуется квалифицированное большинство голосов), но обладающие большей юридической силой, чем иные законы, включая саму Конституцию. Чрезвычайные законы содержат положения, которые могут противоречить любым законодательным нормам, в том числе конституционным, изменять или приостанавливать их действие» [3, с. 320]. Здесь же отмечается, что «данный вид законов распространен, главным образом, в ряде развивающихся стран (например, Папуа – Новая Гвинея, Малайзия, Шри-Ланка, Фиджи, Ямайка). Как правило, речь идет о законах, нарушающих конституционные положения о свободах граждан» [3, с. 320].

Заметим, что эта точка зрения на природу чрезвычайного законодательства является традиционной и устоявшейся в теории права. Так, отмечалось, что «в системе источников права молодых государств буржуазного типа важное место принадлежит актам чрезвычайного законодательства... Здесь акты чрезвычайного законодательства не отменяют действующие обычные законы, а существуют в качестве постоянно действующей резервной системы правовых норм, позволяющих приостанавливать действие основных буржуазно-демократических институтов и наделять исполнительную власть практически неограниченными полномочиями» [4, с. 58].

Понятно, что в целом чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера не могут служить основанием для введения чрезвычайного законодательства. В противном случае чрезвычайные законы действовали бы в нашей стране практически постоянно и вытеснили бы собой конституционное законодательство. Тем не менее семантическая близость двух разных, по сути, понятий нередко приводит к их смешению: в юридической литературе последних лет они не всегда отчетливо разграничиваются между, с одной стороны, употреблением в правовом регулировании деятельности по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, когда эта деятельность носит регулярный характер, и, с другой стороны, – чрезвычайном праве, действующем в условиях чрезвычайного положения [5, с. 43]. Нередко можно встретить расширительное опре-

деление чрезвычайного законодательства как совокупности нормативных актов, «вступающих в действие при необходимости предотвращения или ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» [6].

Определяя термин чрезвычайности, некоторые советские ученые считали, что его необходимо отнести к явлениям непреодолимой силы как в природе, так и в обстоятельствах общественной жизни [7, с. 46].

Неоднозначность в понимании сути слова «чрезвычайный» вызывает различные подходы к понятию «чрезвычайная ситуация» со стороны отечественных, и зарубежных ученых. Так, в США в качестве синонима к термину «чрезвычайная ситуация» используются понятия «кризис» или «кризисная ситуация» [8, р. 12]. Аналогичного мнения придерживается и О.Л. Дубовик, указывая на присущие чрезвычайным ситуациям характерные особенности, усматриваемые ученым в кризисе [9, с. 5]. Однако мы поддерживаем тех авторов, которые полагают, что синонимичность указанных терминов понятию «чрезвычайная ситуация» приводит к смешению разных понятий в теории и путанице на практике [10, с. 32]. Кризисы могут наступать при различных ситуациях, но не все из них можно считать чрезвычайными, требующими изменения правовой политики, привлечения сил, средств и других действий. В определенных обстоятельствах (особенно в ожидаемых случаях стихийной и иной угрозы) при возникновении чрезвычайных ситуаций кризиса может вообще не быть в силу быстрых, решительных и слаженных действий различных организаций, сил и средств.

Согласно абз. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [11]. Как полагает Е.С. Калина, «именно присутствующие в определении чрезвычайной ситуации признаки социального или природно-техногенного процесса и позволяют рассматривать ее в качестве носителя правового режима. Это, в свою очередь, дает нам полное право говорить о режиме чрезвычайной ситуации, несмотря на отсутствие такого термина в действующем законодательстве» [12, с. 33].

Термин «обстановка», зафиксированный в ст. 1 указанного Закона, не отражает смысла чрезвычайной ситуации: *обстановка* может существовать неограниченное время, а *событие* так же, как и *ситуация*, указывает на временный характер действия. Например, последствия аварии на Чернобыльской АЭС подтверждают наличие там определен-

ной неблагоприятной обстановки (завышенный радиационный фон, неблагоприятные экологические изменения и т. п.), но сама по себе чрезвычайная ситуация там давно завершилась; мероприятия, связанные с ней, являются плановыми, протекающими в определенном размеренном режиме.

Обратимся к другим определениям. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 141-З «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» чрезвычайная ситуация – обстановка, сложившаяся на определенной территории в результате промышленной аварии, иной опасной ситуации техногенного характера, катастрофы, опасного природного явления, стихийного или иного бедствия, которые повлекли или могут повлечь за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью людей или окружающей среде, значительный материальный ущерб и нарушение условий жизнедеятельности людей [13]. Источники событий чрезвычайного характера – опасные природные явления, стихийные бедствия, а также крупные техногенные аварии и катастрофы, возникающие в процессе хозяйственной деятельности. Согласно подп. 5.4 п. 5 Инструкции о классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, утвержденной постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 19 февраля 2003 г. № 17 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» опасное природное явление – событие природного происхождения или результат деятельности природных процессов, которые по своей интенсивности, масштабу распространения и продолжительности могут вызвать поражающее воздействие на людей, объекты материального мира и окружающую среду [14]. Стихийное бедствие определяется как катастрофическое природное явление или процесс, способный вызвать многочисленные человеческие жертвы, значительный материальный ущерб и другие тяжелые последствия, к которым относятся землетрясения, извержения вулканов, сели, оползни, обвалы, наводнения, засухи, циклоны, смерчи, снежные заносы и лавины, длительные проливные дожди, сильные устойчивые морозы, обширные лесные и торфяные пожары. К стихийным бедствиям также можно отнести эпидемии, эпизоотии, массовое распространение вредителей сельского хозяйства. К техногенным катастрофам относят аварии, взрывы, пожары и другие происшествия, вызванные хозяйственной деятельностью человека.

Некоторые авторы отождествляют понятие «чрезвычайная ситуация» с понятием «катастрофа», считая их взаимозаменяемыми [15, с. 19]. Катастрофа – это серьезный срыв в жизнедеятельности общества, ведущий к большим человеческим и материальным потерям, нано-

сящим большой ущерб окружающей среде. Но это понятие все же не отражает специфику чрезвычайной ситуации как явления общественной жизни. Например, согласно абз. 1 ст. 1 Соглашения о взаимодействии государств – участников Содружества Независимых Государств в случае эвакуации их граждан из третьих стран при возникновении чрезвычайных ситуаций обострение внутривнутриполитической обстановки в стране может характеризоваться как серьезный срыв в жизнедеятельности общества, который, однако, не всегда приводит к человеческим потерям и ущербу окружающей среде. В этом плане мы солидарны с теми авторами, кто квалифицирует чрезвычайную ситуацию как катастрофу не только природного, экологического, техногенного, но и социального характера [16, с. 12].

Выступая против отождествления катастрофы с чрезвычайными ситуациями, заметим, что катастрофа – это один из элементов чрезвычайной ситуации (например, авария, стихийное бедствие). Действительно, учеными не отрицается, что катастрофу можно рассматривать как особый тип чрезвычайной ситуации. Мы поддерживаем тех исследователей, кто считает, что в таких определениях не учитывается состояние угрозы возрастания вреда от «обычных происшествий»; кроме того, термин «катастрофа» – более узкое явление по сравнению с чрезвычайной ситуацией [17, с. 32]: катастрофа предшествует ее возникновению, являясь одним из чрезвычайных обстоятельств, происшествий, из которых впоследствии может возникнуть чрезвычайная ситуация. Причем последняя может состоять из совокупности различных обстоятельств (произошедшей катастрофы, вследствие которой наступила авария ряда объектов или объекта), самих непосредственных событий (например, взрыв, повреждение материального объекта, гибель людей и т. д.).

Мы разделяем точку зрения В.Б. Гольцова: необходимо актуализировать правовое понимание чрезвычайной ситуации; в определении чрезвычайной ситуации важно указать на цель, установив состояние угрозы возникновения опасных явлений, которые могут повлечь негативные изменения в системе; определение этого понятия должно быть единым в большом массиве законодательства, соответствующей отдельной отрасли законодательства о чрезвычайных ситуациях – основе единого регулирования и развития всего многообразия различных по своей сути отношений [18].

Формулируя юридическое определение чрезвычайной ситуации, следует особо обратить внимание на такие составляющие, как оценка произошедшего события; следствие события или совокупности событий; воздействие на событие преднамеренных, непреднамеренных и смешанных юридических фактов; последствия таких юридических

фактов, которые всегда влекут за собой негативные изменения качества объекта воздействия.

Таким образом, неоднозначность понимания слова «чрезвычайный» вызывает различные научные подходы к понятию «чрезвычайная ситуация» в отечественной и зарубежной литературе. Однако законодательное определение позволяет представить чрезвычайную ситуацию как явление, обладающее объективно выявляемыми признаками, но одновременно с этим фиксирует и процессуальный аспект чрезвычайной ситуации как обстановки, которая, с одной стороны, является следствием предшествовавшего ей в реальном времени объективного события – аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия; с другой стороны, сама влечет либо может повлечь за собой негативные последствия в виде человеческих жертв, ущерба здоровью людей или окружающей среде, значительных материальных потерь и нарушения условий жизнедеятельности людей.

1. Левоненкова, Т.А. Органы государственной власти и местного самоуправления в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций / Т.А. Левоненкова // Журн. рос. права. – 2015. – № 1. – С. 144–153.

2. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 4. – М. : ОГИЗ, 1935. – 1562 ст.

3. Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 1110 с.

4. Строев, С.В. Акты чрезвычайного законодательства в Шри-Ланке / С.В. Строев // Источники права : сб. статей. – М. : Наука, 1985. – С. 58–63.

5. Калина, Е.С. О «чрезвычайном праве» и праве чрезвычайной ситуации // Администр. право и процесс. – 2013. – № 10. – С. 40–44.

6. Мелехин, А.В. Роль и место правового режима чрезвычайной ситуации в системе чрезвычайных правовых режимов Российской Федерации / А.В. Мелехин // Тр. Акад. управл. МВД России. – М., 2010. – № 3 (15). – С. 7–12.

7. Семенов, П.Г. Категория непреодолимой силы в советском праве / П.Г. Семенов // Совет. государство и право. – 1956. – № 10. – С. 46–49.

8. Hohenemaer, Gh., Kater, R.W., Slovic, P. The nature of Technological Hazard // Science. – 1983. – April 22, № 220. – P. 379; Kaplan, S., Garrick, B.J. On the Quantitative Definition of Risk // Journal Risk Analyze. – 1981. – № 12. – P. 12.

9. Дубовик, О.Л. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях / О.Л. Дубовик // Обеспечение безопасности населения и территорий (организац.-правов. вопросы). – М. : Спарк, 1994. – С. 4–5.

10. Воробьев, Н.Н. Развитие теории игр и экономическое поведение / Н.Н. Воробьев. – М. : Госюриздат, 1970. – 132 с.

11. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : Федер. закон 21 дек. 1994 г., № 68-ФЗ ; в ред. Федер. закона от 23.06.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

12. Калина, Е.С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве / Е.С. Калина // Администрат. право и процесс. – 2011. – № 12. – С. 31–34.

13. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 141-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

14. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь, 19 февраля 2013 г., № 174 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

15. Марчук, Т.Н. Управление процессом предупреждения ЧС и ликвидации их последствий (соц.-эконом. аспект) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т.Н. Марчук. – М., 2000. – 179 с.

16. Пригожин, А.И. Социодинамика катастроф / А.И. Пригожин // Социолог. исследование. – 1989. – № 3. – С. 12–18.

17. Тычинин, С.В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Тычинин. – СПб., 1996. – 213 с.

18. Гольцов, В.Б. Чрезвычайная ситуация – теория или юридический факт (проблемы законодательного определения) / В.Б. Гольцов // Юрид. мир. – 2009. – № 3. – С. 24–27.

УДК 340.1

В.И. Павлов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

Антропологическая концепция права, или антропология права, представляет собой постклассическую правовую концепцию, разработанную на основе новой модели человека в праве и ориентированную на познание права через человека в праве и процесс его правового существования. В отличие от традиционной антропологии права как юридической этнологии, изучающей разнообразие правовых культур и традиций, постклассическая антропология права является теоретико-правовой концепцией, претендующей на объяснительные возможности правовой реальности. В отличие от классической общей теории права, которая изучает закономерности развития и функционирования права как институционального явления, антропология права познает право через существующего в правовой реальности человека. Этот принцип построения юридического дискурса и понимания правовой реальности получил название человекомерности права.

Предмет антропологии права – человек и процесс его правового существования в правовой реальности; право, представленное в качестве человекомерного образования, то есть в связи с действующим в